

— Разве? Я с нетерпением жду этого, — Цзян Яншуй опустила взгляд и легко улыбнулась, не выдавая своих мыслей и бросив на неё мимолётный взгляд.

Та всё ещё самодовольно улыбалась, ни капли не замечая её лукавой усмешки.

Пока они ели, Цзян Яншуй думала про себя: Е Цзинь, конечно, умна, но её и правда до смешного легко обвести вокруг пальца.

После обеда они обе получили видеозвонок от госпожи Е. Е Цзинь посмотрела на экран, где красовалась всё такая же сияющая и неотразимая госпожа Е, и тут же подняла вверх большой палец, восхищённо воскликнув:

— Госпожа Е сегодня всё так же прекрасна и обворожительна, от неё так и веет несравненным величием!

Услышав похвалу от дочери, госпожа Е тут же расплылась в улыбке:

— Ох, моя девочка тоже невероятно хороша и красива!

Цзян Яншуй: «...»

И это та самая грозная и властная Е Чанцин из медпункта? Кто этот человек, который обменивается с собственной дочерью взаимными восторгами?

— Хе-хе, ещё бы, посмотрите чья я дочка! Я же дочка госпожи Е! — Е Цзинь тут же воспользовалась моментом, чтобы польстить матери чужими заслугами.

Цзян Яншуй: «...»

— И то верно! — Е Чанцин кивнула. Видя, что дочь на видео выглядит совершенно естественно, она заключила, что за это время между ними не произошло ничего чересчур бурного, и невольно мысленно кивнула.

В конце концов, это её дочь — даже с той самой родословной она сумела успешно подавить эти неполноценные гены!

— Ах, как прошли эти два дня? Вы хорошо ладите с Сяо Цзян? — мягким тоном поинтересовалась Е Чанцин.

— Очень хорошо! — Е Цзинь задорно закивала, притянула в кадр стоявшую рядом Цзян Яншуй, обняла её за плечи с видом лучших друзей-приятельниц и гордо заявила: — Мы просто отлично

ладим, наши отношения стали намного ближе, чем раньше!

Цзян Яншуй почувствовала себя немного неловко, но на лице сохранила безупречно вежливое выражение, приветствуя Е Чанцин, а про себя кровожадно скрежетала зубами.

Заявлять сейчас, что их отношения стали ближе — это же верный способ заставить других подумать, будто между ними что-то произошло!

Е Чанцин смотрела на стоящую перед ней девушку: безупречные манеры, потрясающая внешность — наверняка для многих она стала бы идеальной возлюбленной.

Переведя взгляд на Е Цзинь, госпожа Е про себя усмехнулась: интересно ещё, кто тут чьим кошерным счётом воспользовался.

— Ладно-ладно, раз так, я спокойна, — с облегчением произнесла Е Чанцин, надеясь лишь, что дочь проявит хоть каплю усердия и сможет найти мегу и без её помощи.

Поболтав ещё немного, Е Чанцин наконец с явным сожалением повесила трубку.

Цзян Яншуй молча искоса поглядывала на Е Цзинь. Ей до сих пор не верилось, что их с матерью стиль общения строится на взаимном нахваливании.

Е Цзинь положила телефон и, озадаченная её взглядом, непонимающе моргнула.

Цзян Яншуй молча отвела глаза: ладно уж, похоже, такой формат отношений и впрямь способен вызвать у многих лишь зависть.

— Позже я снова приложу тебе холодный компресс, а завтра посмотрим на отёк и решим, стоит ли брать отгул.

— Мгм, — кивнула Е Цзинь и коснулась щеки, где на самом деле уже почти не болело. Пусть боли не было, но след от руки бросался в глаза чересчур сильно.

Бросив на Цзян Яншуй косой взгляд, она мысленно проворчала: ну и сила же у неё!

Е Цзинь тихо вздохнула: нельзя же и дальше продолжать западать на неё, когда им предстоит провести вместе еще два года, связанных по рукам и ногам. И как ей теперь разлюбить её по-настоящему?

На следующий день они обе встали пораньше. Цзян Яншуй внимательно осмотрела лицо Е Цзинь: отёк почти спал, остался лишь крошечный, едва заметный след, который легко можно

было скрыть капелькой пудры.

Впрочем, прежде чем приступить, Цзян Яншуй всё же уточнила у Е Цзинь:

— Если ты собираешься в школу, я замажу это пудрой, а если останешься дома, то и вовсе ничего делать не нужно. Так что выбираешь: идёшь или нет?

Е Цзинь взглянула на себя в зеркало — эту крошечную отметину без пристального разглядывания и не заметишь. Раз уж та пообещала замазать её пудрой, ей, конечно, больше не о чем было беспокоиться.

— Иду! — твёрдо заявила Е Цзинь. Она и так пропустила занятия за три дня, больше запускать учёбу было нельзя.

Цзян Яншуй кивнула, взяла пуховку и принялась аккуратно колдовать над её лицом. Закончив, она окинула работу критическим взглядом и невольно довольно кивнула — собственной техникой макияжа она осталась вполне довольна.

Глядя на абсолютно чистую, без единого изъяна щеку, Е Цзинь подозрительно прищурилась и уставилась на лицо самой Цзян Яншуй:

— Ты что, накрасилась?

На лице Цзян Яншуй она и следов косметики не замечала, но ведь и на её собственном лице после пуховки никаких фальшивых следов не осталось.

Цзян Яншуй посмотрела на неё с беспомощным вздохом, ущипнула за нежную щечку и едко бросила:

— Когда бы я успела накрастись, если ты мне прохода не давала?

И то верно.

Е Цзинь согласно кивнула и, любуясь идеальной, словно персик, кожей Цзян Яншуй без единого грамма косметики, похвалила:

— У тебя потрясающая кожа! Я стою так близко, но даже пор не вижу!

Цзян Яншуй: «...»

Ей снова показалось, будто она общается с Е Чанцин — этот поток безудержной лести слегка

её обезоружил.

— Иди переодевайся уже! — Цзян Яншуй оттолкнула её, глянув на часы: времени оставалось в обрез, и ей самой нужно было срочно бежать в комнату переодеваться.

Е Цзинь скривила губы. Разве она сказала неправду? Почему у Цзян Яншуй такое лицо?

Когда обе переоделись и стояли у выхода, Цзян Яншуй не выдержала, подошла и заново перевязала Е Цзинь галстук. Поправляя узел, она ворчала:

— Такая взрослая, а за имиджем следить не умеешь. Нельзя же быть такой беспомощной, чтобы даже простейший галстук завязать не мочь.

В конце концов, эта девица — наследница корпорации Е, если она появится на людях и даже галстук завязать не сможет, это же станет посмешищем на весь мир.

Е Цзинь недовольно скривилась: она искренне считала галстуки вещь бесполезной и хлопотной и питала к ним стойкую антипатию.

Однако стоило Цзян Яншуй закончить с узлом, как она радостно уставилась на собственный нагрудный аксессуар, ощутив внезапное озарение: оказывается, галстуки могут быть такими красивыми!

До школы было всего несколько минут ходьбы, и они отправились туда пешком. То ли им казалось, то ли все встречные действительно пялились именно на них. Раньше на них тоже обращали внимание, но не так жутко — сейчас во взглядах прохожих читался глубокий подтекст, особенно когда они смотрели на Е Цзинь, едва ли не с откровенным презрением.

Е Цзинь: «???»

Она подёргала Цзян Яншуй за рукав и тихо спросила:

— Я что, совершила какое-то чудовищное преступление? Почему все смотрят на меня так, будто я противна им до тошноты?

Цзян Яншуй бросила на неё равнодушный взгляд, затем перевела глаза на тех, кто то и дело косился на них украдкой, и лукаво улыбнулась.

Те, на кого был направлен этот взгляд, мгновенно заливались краской и тут же опускали головы, притворяясь застенчивыми и смущенными.

Е Цзинь: «.....»

Почему на неё она смотрит с таким ледяным безразличием, а на других — с сияющей улыбкой? Это несправедливо!

— Эй, она что, красивее меня? — Е Цзинь дёрнула Цзян Яншуй за рукав, недовольная до глубины души. Она не просила особого отношения, но хотя бы равного!

— М-м-м... — протянула Цзян Яншуй, раздумывая. Заметив, что Е Цзинь по-прежнему сверлит её требовательным взглядом в ожидании ответа, она прыснула со смеху, покачала головой и ответила: — Ну нет, пожалуй, нет. В конце концов, кроме меня самой, вряд ли найдется кто-то способный тягаться с твоей красотой.

Е Цзинь склонила голову набок, разглядывая стоявшую перед ней изящную девушку. На её лице отразилось легкое замешательство, и в конце концов она даже ткнула Цзян Яншуй указательным пальцем в щеку:

— Ты испортилась!

И как только у неё хватает совести говорить такие самовлюбленные вещи!

Цзян Яншуй терпеливо сносила её тычки, продолжая лучезарно улыбаться.

Е Цзинь фыркнула, развернулась и зашагала дальше, бормоча под нос:

— Ладно-ладно, уговорила, считай, что ты красивее меня!

— Только «считай»? — Цзян Яншуй заложила руки за спину и пошла следом, чуть подавшись корпусом вперёд, чтобы разглядеть выражение лица Е Цзинь.

Е Цзинь покосилась на неё, тут же отвела глаза и ускорила шаг, чувствуя, как в груди начинает учащенно биться сердце. Только что Цзян Яншуй выглядела воплощением чистой юности — куда оживленнее, чем обычно!

— М? От чего ты убегаешь? — с игривой усмешкой спросила Цзян Яншуй, не отставая ни на шаг. Ее зоркий взгляд мгновенно выхватил покрасневшие уши Е Цзинь, отчего лукавое веселье в ее глазах лишь усилилось.

Е Цзинь залилась краской от досады: она же сама только что занималась самолюбованием, так почему смущается и теряется именно она?!

Она резко остановилась и развернулась, ожидая, пока Цзян Яншуй догонит её.

Цзян Яншуй ни капли не смутилась, неторопливо подошла ближе, легко приподняла бровь и поинтересовалась:

— Чего это мы остановились?

— Я просто хотела сказать тебе, что я никуда не убегала! Это тебе следовало бы убегать! — с предельно серьезным и строгим видом заявила Е Цзинь.

Цзян Яншуй моргнула и невинно произнесла:

— Не думаю, что мне нужно от кого-то бегать.

— Значит, у тебя просто толстая шкура!

— Если ты будешь так разговаривать с нежной и хрупкой мегой, она может и расстроиться.

— У мег отроду не бывает такой силищи, как у тебя!

— Меги и не обязаны обладать твоей силой.

Пребираясь всю дорогу, они добрались до учебного корпуса. Войдя в класс, обе сразу же остро почувствовали перемену в атмосфере: взгляды, брошенные на них одноклассниками, были куда более сложными и странными, чем те пресловутые косые взгляды на улице.

Е Цзинь приподняла бровь, небрежно швырнула сумку на парту с довольно громким стуком, окинула весь класс ледяным взглядом и с издевательской ухмылкой процедила:

— Чего уставились? Что за взгляды? Произошло что-то интересное? Поделитесь, я тоже послушаю?

Цзян Яншуй молча сняла сумку Е Цзинь с парты и повесила на спинку стула, затем спокойно прошла на своё место, села и принялась с безмятежным любопытством наблюдать за разворачивающейся сценой.

Стоило Е Цзинь задать этот вопрос, как глаза учеников в классе забежали. Большинство тут же уткнулись в парты, не смея встретиться с ней взглядом.

Е Цзинь посмотрела на самые задние ряды и с удивлением обнаружила, что Ван Гаогао и Лань Чжуцзе отсутствуют. Неужели эти двое сбежали с уроков с самого утра?

— Староста, классный руководитель просила тебя зайти, — бросил кто-то из входящих учеников, обращаясь к Цзян Яншуй.

— Хорошо, — кивнула Цзян Яншуй, бросила на Е Цзинь прощальный взгляд и поднялась с места.

Стоило ей выйти, как Е Цзинь отчётливо ощутила, что атмосфера в классе стала ещё более ненормальной. Казалось, остальные о чём-то прекрасно осведомлены и объединены негласным заговором, исключаящим её одну — они переглядывались, многозначительно кривлялись и выглядели сущими клоунами.

— Ну так что, мне вас поодиночке заставлять говорить? — Е Цзинь лениво уселась на край парты, опустив одну ногу на пол и закинув другую, согнутую в колене, на ножку стола, приняв самый что ни на есть развязный вид.

Последовало долгое молчание, пока наконец первой не выступила Цинь Бэйбэй. Она подошла к Е Цзинь, взяла её под руку и заискивающе произнесла:

— Я уверена, что сестрица Е ни за что на свете не опустилась бы до такого!

Е Цзинь: «...Ты разговаривай так, без рук! И вообще, до какого такого? Выкладывай давай».

Она дёрнула руку, высвобождая её из чужих объятий, а уголком рта едва заметно дёрнула. И правда, чересчур восторженные омеги пугают.

— Да как у тебя совесть вообще спрашивать! Ты позоришь всех альф нашей школы! — вскочил Ли Ян с яростным лицом, глядя на Е Цзинь так, будто перед ним стояло какое-то мерзкое отродье.

— Да что ты несёшь! Сестрица Е никогда в жизни не стала бы никого принуждать! — Цинь Бэйбэй тоже разъярилась, встав перед Е Цзинь и с вызовом уставившись на Ли Яна.

— Да не делала? Если не делала, откуда на форуме те фотографии!

Они заспорили на повышенных тонах, отчего у Е Цзинь заболела голова.

Она презрительно усмехнулась, на глазах у всех неторопливо достала телефон и, совершая какие-то манипуляции на экране, произнесла:

— Похоже, всё дело в форуме. Раз уж вы тут все секретничаете и не хотите говорить прямо, придется мне потрудиться и самой во всём разобраться.

Открыв школьный форум, она сразу же увидела висевшую в самом верху тему с пылающим красным заголовком: «Высшая альфа принуждает омегу!»

Увидев название, Е Цзинь издала короткое «о-го». Формулировка «высшая альфа» была слишком уж конкретной, учитывая, что во всей школе на данный момент числилась ровно одна высшая альфа — она сама.

Она открыла пост и принялась читать. Автор утверждал, что лично видел, как школьная высшая альфа силой утащила потерявшего рассудок омегу в безлюдное место. Насколько ему было известно, в обычные дни эти двое практически не общались и отношения у них были самые заурядные, однако сразу после этого инцидента тот самый омега вдруг стал её девушкой. Короче говоря, весь текст прозрачно намекал на принуждение и шантаж. Поначалу в эту историю верили немногие, но последовавшие за текстом фотографии заставили большинство читателей поверить автору, и ветка обсуждения разрослась до гигантских размеров под шквалом гневных комментариев.

Е Цзинь читала ругань в свой адрес, и брови её продолжали ползти вверх. Повернувшись к одноклассникам, она недоумённо поинтересовалась:

— И вот только из-за этого вы решили, что я принуждала омегу? — Е Цзинь искренне ничего не понимала и даже потрогала себя за щеку. — С моей-то внешностью, неужели мне понадобилось бы кого-то принуждать, если бы я захотела найти омегу?

К ней бы в очередь выстраивались, вы чего?!

Остальные: «.....»

— Но ты же принуждала высшего омегу! Много ли на свете высших омег! Разве это одно и то же?! — взревел Ли Ян, явно крайне разозленный её легкомыслием.

— О~ — протянула Е Цзинь, просветлённо кивнув. — Значит, вы считаете, что я не устояла перед искушением высшего омеги и пошла насилием.

Тут Е Цзинь расхохоталась в голос, но отсмеявшись, взглянула на всех ледяным, колющим взглядом:

— То есть это у вас в голове грязь, а не у меня? Вы думаете, что стоит встретить высшего омегу, как тут же теряешь контроль над инстинктами и хочешь только одного — овладеть ею?

С этими словами Е Цзинь с изрядной долей ехидства задала встречный вопрос:

— Если я её принуждала, почему я её не пометила? Наоборот — это меня пометили! По вашей логике, скорее уж Цзян Яншуй положила на меня глаз и первой поставила метку, чтобы никто

другой ко мне не прикасался!

Остальные: «.....»

Все переглянулись. Звучало, между прочим, чертовски логично.

— Так что это она зарилась на моё тело, с какой стати всё перевернулось так, будто это я её принуждала?

— Ну-ка, пусть кто-нибудь объяснит мне, с чего вы это взяли.

Вау, какая же она властная (*□□)□□ [хлопает по столу и хохочет до слёз!]

— Я зарилась на твоё тело?

Едва остальные застыли, не зная, что ответить на колкости Е Цзинь, как от дверей раздался спокойный и чистый голос.

Е Цзинь резко обернулась и увидела, как все ученики в классе тут же притихли, а Е Цзинь, секунду назад выглядевшая надменно и презренно, мгновенно превратилась в преданную шавку — она подскочила к Цзян Яншуй, перехватила из её рук тетради и заискивающе защебетала:

— Это я, я зарилась на твоё тело!

Все: «.....»

Ли Ян от такой картины аж задохнулся от ястия!

Цинь Бэйбэй же, увидев эту сцену, разочарованно опустила голову, вернулась на своё место и больше не произнесла ни слова.

Раз уж её ношу забрали, Цзян Яншуй была только рада отдохнуть. Пройдя с Е Цзинь к её парте, она не стала сразу заводить разговор, а взяла оставленный Е Цзинь телефон. На экране всё ещё красовалась та самая страница с оскорбительными комментариями.

Совершенно не меняясь в лице, она пролистала всё в самый верх и принялась читать с самого начала. Пока она изучала ветку, в классе стояла гробовая тишина — никто не смел даже громко дышать.

Прошло несколько минут полной тишины. Наконец Цзян Яншуй отложила телефон. Она никак

не ожидала, что в посте даже появится продолжение истории — с тем, как она впилась зубами в Е Цзинь и потеряла сознание.

Тогда она уже вырубилась, и выглядело всё, разумеется, так, будто она полностью лишилась рассудка. Состояние Е Цзинь тоже оставляло желать лучшего, но она всё равно тащила её куда-то в безлюдное место. Если судить только по этому отрывку, могло показаться, что у Е Цзинь действительно на уме были какие-то недобрые замыслы. Однако Цзян Яншуй прекрасно помнила: проснувшись в медпункте, вся одежда на ней была в абсолютном порядке, как и на самой Е Цзинь. Плюс ко всему, вспоминая их общение за последнее время, у Цзян Яншуй были все основания полагать, что Е Цзинь просто не хотела привлекать лишнего внимания к их жалкому состоянию в тот момент. Всё остальное было чистой воды бредом.

— Слушай, неужели твой Клан Цзян докатился до такого упадка? Почему вы вообще поверили, будто я посмела бы применить к тебе силу? — шепнула ей Е Цзинь. Пусть в прошлые годы Клан Цзян и перенёс основной фокус деятельности за рубеж, активы, оставшиеся на родине, всё ещё значили немало, чтобы кто попал ослепнуть на них свысока, верно?

Цзян Яншуй презрительно покосилась на неё и с фальшивой улыбкой прошипела:

— А сама-то почему не скажешь, что это твоя семья слишком богата?

— О, а вот это чистая правда, моя семья неприлично богата! — согласно кивнула Е Цзинь на это замечание.

Цзян Яншуй: «.....»

Хотя они говорили тихо, сидевшие поблизости всё равно расслышали каждое слово. Услышав заявление Е Цзинь о том, что её семья «действительно очень богата», окружающие синхронно скривились так, будто их смертельно оскорбили.

В этой элитной частной школе бедняков почти не было, но вот таких богачей, как семейство Е, можно было пересчитать по пальцам.

Цзян Яншуй не выдержала и легко рассмеялась, бросив на Е Цзинь укоризненный взгляд, а затем обратилась ко всем остальным ученикам в классе:

— Пожалуй, на вашем месте я бы не стала выбирать профессии, связанные с юриспруденцией или журналистикой. Если вы не умеете отличать правду от лжи, то на этой ниве будете только создавать людям проблемы или калечить чужие судьбы.

Цзян Яншуй впервые говорила с ними столь резко и бескомпромиссно, полностью разрушив свой привычный мягкий образ.

Однако после её слов на лицах одноклассников проступило искреннее смущение — удар слова оказался слишком метким.

— Заявили, что она меня принуждала... Что? Принуждала пометить её? Ну, такому исходу я бы только порадовалась, я ведь и сама давно планировала поставить ей метку. — С этими словами она перевела взгляд на Е Цзинь и с лукавой улыбкой добавила: — Чего же ты раньше меня не принуждала?

У Е Цзинь перехватило дыхание. Прекрасно понимая, что та шутит, она всё равно не могла совладать с бешеным стуком сердца, глядя на её сияющее улыбкой лицо.

Слегка кашлянув, чтобы скрыть собственные тайные порывы, она вскинула брови и парировала:

— Выходит, это ты давно на меня зарилась! Сама не проявляла инициативы, а теперь ещё обвиняешь меня в медлительности! Хм!

В этом капризном тоне не осталось и следа прежней холодности к посторонним — сплошное подлинное кокетство, предназначенное для любимого человека.

Цзян Яншуй с улыбкой смотрела на неё, источая абсолютное баловство и снисходительность:

— Хорошо, в следующий раз я буду проявлять больше инициативы.

Тут же перехватив руку Е Цзинь, она увлекла её за собой на стул, но выпускать ладонь из своей не стала. Подняв глаза на класс, она легко улыбнулась:

— Урок разве не начался? Или вы ещё что-то хотите увидеть?

Одноклассники лишились дар речи. Отводя глаза, каждый мысленно материл автора злосчастного поста за то, что тот ввёл всех в заблуждение и затеял бурю. И как они вообще могли поверить, что между этими двумя были отношения насилия?!

Станет ли человек так лучезарно улыбаться тому, кто его принуждал, и так нежно с ним обращаться?!

Впрочем, среди всей этой массы выражение лица одного человека выделялось особенно сильно: подросток, ещё не научившийся скрывать эмоции, смотрел на Е Цзинь с такой яростью, будто готов был разорвать её зубами.